

Развивая теорию событий. Статья первая. Дидактический эксперимент

Александр Филиппов*

Аннотация. Теория социальных событий является новой попыткой создания общей социологической теории. Однако она должна быть обоснована лучше, чем это удавалось сделать до сих пор. Такое обоснование возможно, если принять во внимание, как фактически работают с понятием события в социологии представители разных школ.

Ключевые слова. Событие, наблюдение, анализ истории событий, качественное исследование.

Словосочетание «теория социальных событий» (ТСС) за последние годы обрело устойчивость. Оно связано, в частности, с рядом наших публикаций, имеющих принципиальный, но в целом ограниченный характер. Речь идет скорее о некоторой амбиции, обещании, чем о теории в точном смысле слова, хотя попытки систематизировать сделанное уже предпринимались (Филиппов, 2004а, 2004b, 2005, 2006а, 2006b). Споры ведутся¹ вокруг нескольких базовых понятий и аргументов, и хотя нам удалось продвинуться вперед, пока еще мы не можем говорить об образовании сколь-нибудь обширного и пригодного для работы теоретического аппарата. Возможно ли создание такого аппарата в принципе? Не останется ли обещание лишь обещанием, в лучшем случае — общим именем для нескольких попыток решить вопрос *в принципе*, проследить *исторические истоки* концепции, и не более того? Это нельзя исключить, но попытаемся в серии статей продвинуться по пути развития теории несколько дальше, чем это удавалось сделать до сих пор.

Главным притязанием ТСС является утверждение, что она представляет собой *общую теорию*, иначе говоря, описывает *все социальное*, хотя на первом этапе и воздерживается от утверждений о природе социальной реальности. Общее описание социального не может быть заведомо и принципиально неполным, оно не может с самого начала фиксировать *пределы* собственной компетенции, как это происходит, например, с теориями отдельных областей социальной жизни. Именно поэтому как общая теория ТСС может выглядеть одновременно и скромной, и вызывающей: она идет, так сказать, поперек принятых различий макро- и микросоциологии, действий и структур, практик и институтов, объяснения и понимания и др. Она не

* Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, filippovaf@gmail.com

© Филиппов А., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. См., напр.: <http://www.cfs.hse.ru/content/view/166/1/>; <http://www.cfs.hse.ru/content/view/177/63/>; <http://www.hse.ru/news/recent/27226029.html>; <http://www.cfs.hse.ru/content/view/173/1/view/170/>

претендует на то, чтобы лучше справляться с описанием институтов или больших социальных систем, чем какие бы то ни было уже существующие концепции. Она не стремится к опровержению того, что дают другие теории, а просто предлагает свое видение реальности в надежде, что оно в конце концов окажется исчерпывающим.

К результатам первых исследований по ТСС можно отнести прежде всего определения, которые позволяют разметить саму область теории и сформулировать ее приращения.

Процитируем главное из них:

«Событием будет называться смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство. В этот смысловой комплекс входит свершение в пространстве и времени. Событие идентифицируется наблюдателем как нечто совершающееся (т. е. происходящее) и свершающееся (т. е. имеющее внятную для наблюдателя завершенность, позволяющую отделять его от прочих событий). Единству времени, в течение которого событие сохраняет свою тождественность (момент свершения события), соответствует единство пространства (место совершения события). Как время, так и пространство события идентифицируются в некоторой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест» (Филиппов, 2004b: 5)².

Это определение носит аксиоматический характер. Оно не доказывается в предшествующем изложении, но только развертывается в виде более подробного обсуждения тех проблем, которыми должно сопровождаться развитие этой идеи, и далее сопрягается в некоторых аспектах с философией события А. Н. Уайтхеда, Дж. Г. Мида и др. Однако вопрос обоснованности самого начала, вопрос о необходимости именно такого рода начала не ставится. Теория заявляет о себе, ее сильная сторона — ясность; ее слабая сторона — радикальный догматизм: дела, говорит ТСС, обстоят *так-то*.

Но одного этого может быть недостаточно, поэтому введение в ТСС дополняется специальным разъяснением о предпосылке социологического теоретизирования:

«Социологическое теоретизирование всегда содержит в себе интуицию социального. Социальное либо воспринимается как целостность, либо, в принципе, считается тем, что поддается членению» (Филиппов, 2004a: 3). Иначе говоря, мы предлагаем выбор. Одни социологи считают, что социальное — это такие крупные блоки: «общество», «государство», «класс», даже «институт». Эти блоки социального можно, конечно, делить на меньшие части, но они все равно будут иметь ту же природу. Так, если определять класс как большую группу людей, то можно потом сколько угодно членить его — все равно будут получаться подклассы и другие группы. Можно считать, что государство состоит из разного рода организаций, все равно — это будут крупные, устойчивые, различимые *вещи*. И есть возможность выбрать другой подход, предположив, что за видимой стабильностью вещей пульсирует социальная жизнь, аналитически разложимая на все меньшие фрагменты. Именно на этом пути можно обнаружить «эпизоды», «действия» и «элементарные коммуникации».

ТСС утверждает, что именно событие оказывается мельчайшим элементом социальности, но важно это лишь для тех, кто готов пройти достаточно далеко по пути ее

2. В одну из формулировок внесена корректива.

членения, вплоть до последних элементов. При этом вопрос о том, зачем, собственно, идти по этому пути, выносится за скобки. Вопрос о том, зачем (если этот путь все-таки выбран) идти по нему до конца, до логического завершения в виде концепции элементарных событий, также не рассматривается. Логическое начало ТСС не превращается в реальное начало.

1. Реальность и дидактика теории

Посмотрим на положение дел словно бы со стороны. Вот что мы увидим:

Теория некоторым образом реальна, она существует в реальности, поскольку есть те, кто ее придерживается, но она мало и плохо развивается, потому что она в собственном смысле слова не началась, осталась без реального начала, без внятного мотива, тематизированного как мотив. *Неясным остается, зачем это начинать.*

В данной статье мы попытаемся заново подступиться к началу ТСС, пользуясь при этом теми ресурсами теории, которые уже наработаны. В сущности, аксиоматический догматизм ТСС не догматичен, но дидактичен. Наши определения и следующие из них аргументы — это не только и не столько констатация того, как «на самом деле» обстоят дела, сколько теоретическое предложение *попробовать* взглянуть на мир посредством переописания его как множества событий. Дидактика ТСС состоит в том, чтобы через массивы текстов, в которых последовательно используется ее аппарат, сделать этот аппарат самоочевидным, применяемым не с усилием, а в качестве наиболее адекватного способа теоретического описания.

Одно из основных определений ТСС в самом сжатом виде выглядит так:

Нет события без наблюдения; нет наблюдения без различения; нет различения без мотива.

Как и первое определение, мы оставляем его пока без обоснований, однако приводим для того, чтобы вывести отсюда одно из важнейших следствий: предметом ТСС должны быть не только различения событий, но и мотивы наблюдателя. Дидактика должна быть поставлена впереди логики, приучение к языку ТСС должно быть той практической задачей, без решения которой любое начало будет безосновным и произвольным. *«Делай, — гласит ТСС, — делай так-то и так-то, и тогда ты увидишь то-то и то-то».*

«Зачем же мне делать это?» — спрашивает (возможно) гипотетический оппонент.

Попытаемся дать приблизительный, но развернутый ответ на этот вопрос, обозначив то, что принимается по умолчанию.

По умолчанию предполагается, что:

- 1) исследователь в рамках ТСС не станет держаться привычных понятий и ходов мысли только потому, что они привычны, но
- 2) при этом не ставит под сомнение, что он остается в области социологии, история, результаты и понятийный аппарат которой принимаются в расчет, а не отбрасываются, как это бывает, когда в науке и вообще в сфере мысли предлагается совершенно новое начало.

ТСС не является радикальным началом. Она утверждает себя как продолжение той линии в истории мысли, которую можно прочертить самым явным образом от

начала XX века к современности. Среди социологов, так или иначе писавших о событиях, мы находим упомянутого выше (как философа) Дж. Г. Мида, Т. Парсонса, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, Н. Лумана и др. В силу разных причин ни у одного из этих авторов «событие» не стало центрирующим теоретическое построение понятием, однако их идеи использованы в ТСС. Радикальность ТСС состоит в том, что она усиливает уже известное, строится на фундаменте давно полученных, но недооцененных результатов, пытается *произвести мотив*, а не предполагает его *уже существующим*.

Теперь продемонстрируем дидактические ходы ТСС, т. е. в самом общем виде попробуем показать перспективы и соблазны превращения взгляда на социальный мир через призму событий во взгляд привычный и как бы само собой разумеющийся. В этой части ТСС менее всего обращена к тем, кто считает вопросы теории пусть важными, но в основном уже решенными. Им ТСС не говорит ровным счетом ничего, не ищет для них мотивов. *Дидактически* она могла бы быть скорее обращена к социологам, которые намерены отказаться от любых *абстрактных* теорий и которым скучны заумные определения и *философские* тонкости. «Мы, — часто говорят социологи, — хотим изучать саму социальную реальность, а не рассуждения о ней!» Конечно, легко было бы заметить, что реальность реальности не такая уж простая штука и что каждый, кто гордится знанием «самой жизни», давно уже сидит в невидимой для него, но от того не менее прочной «клетке» не им придуманных понятий и ходов мысли, получая только те данные, которые, в принципе, могут быть получены в такой теоретической перспективе. Это называют по-разному: теоретической схемой, исследовательской оптикой и т. п. Сути дела это не меняет: теоретическая позиция, чем менее она осознана, тем более решительно действует из-за спины исследователя. Пренебрежение теорией опасно, она мстит за себя. Но стоит ли повторять один и тот же заезженный аргумент? Все сомнения по поводу теоретической невинности сторонников позитивного эмпирического знания давно прозвучали, все возражения и возражения на возражения давно высказаны³. Следует исходить из того, что современная социология в подавляющей части своей — это фабрика по производству определенного рода знания. Из того, что продукт этой фабрики удовлетворяет лишь специфический род потребностей, созданных совместными усилиями производителей и маркетинговых агентов, отнюдь не следует, что эта фабрика и ее продукт никому не нужны. Напротив, они-то как раз и нужны⁴! Так следует ли пускать в ход аргументы, смысл которых мог бы состоять в том, чтобы нарушить ход или поставить под сомнение качество производства?

3. Прекрасен Д. Силвермен, объявляющий теоретические изыскания «выпендрёжем» (reascok style) и «фигнёй» (bullshit; с подробным изъяснением этимологии слова), препятствующими ясному изложению и научному поиску фактов. В конце концов, он приходит к не лишнему резонанс предположению, что его рассуждения, в свою очередь, также являются bullshit'ом. (Silverman, 2007, ch. 5: 119–144 (143)).

4. Вот что говорил Никлас Луман: «Фабрика проектов эмпирических исследований продолжает работать, исходя из предпосылки, что благодаря обращению к реальности можно решить, что истинно, а что неистинно. Тем самым добываются деньги и рабочие места для продолжения исследований» (Луман, 2002: 320). Мы могли бы сказать, что Луман был настроен все еще чересчур благодушно. Реальность, конечно, важна, но вопрос об истине не является ни центральным вопросом, ни главной предпосылкой работы фабрики.

2. Дробление процедуры

Оставим привычное и обратимся к менее привычному. Речь идет не столько о том, чтобы дискредитировать солидные результаты солидной науки (рано или поздно ими распорядится *сама жизнь*, которой с такой охотой клянутся ученые), сколько о некоторого рода безделье, развлечении, которому предаваться можно лишь на досуге. (Возможно, и вся ТСС предназначена лишь для тех, у кого есть досуг и есть любопытство⁵.)

Итак, представим себе, что мы как *исследователи-социологи* прервали наш исследовательский процесс и начали *размышлять над самой процедурой*. Дело это, в общем, весьма обычное, а здесь предлагается поразмыслить не над записанными в книжках правилами процедуры, но над тем, что происходит на самом деле. А чтобы сомнений было как можно меньше, предположим, что наиболее адекватный взгляд на вещи даст нам пошаговое представление. Вся наша исследовательская работа может быть изображена как ряд последовательных *операций*.

Зачем вообще дробить процесс на операции? Допустим, нам приходится наставлять незнакомого с делами исполнителя, причем процесс от начала до конца представляется нам настолько важным, а исполнитель — абсолютно незнакомым с простейшими правилами работы, что мы не жалеем усилий. Зафиксируем хотя бы часть шагов. Неважно, как будет звучать наша инструкция, ведь мы пока ни словом не упомянули, какой метод стал предметом нашей заботы. Так что, возможно, мы говорим нашим исполнителям очень разные вещи: «возьми опросный лист, прочитай... затем прочитай, выслушай, отметь»; «включи диктофон, начни запись...»; «стань в таком-то месте, дождись...»; «открой статистический сборник...»; «зайди в Интернете на страницу...». Возможно, впрочем, что процесс уже состоялся и мы говорим о нем в ретроспективе, то есть либо припоминаем сами, либо просим припомнить другого, что же там было, в процессе собирания данных. Тогда вычленение отдельных, простейших, недвусмысленно определенных операций может быть связано с нашим методическим интересом, желанием разобраться в том, что происходит в процессе исследования. Но в обоих случаях реальные операции могут быть перечислены; либо заранее, когда мы даем инструкции, либо *post hoc*, если мы попытаемся восстановить последовательность того, что делалось.

Итак, мы предлагаем представить себе то, что могло бы быть названо *detailed order of activity* — детализированный порядок деятельности, в данном случае — исследовательской. Вряд ли неожиданным будет для нас некоторое *отчуждение* от процесса, которое возникнет здесь почти неизбежно. Немного чужими будут выглядеть привычные дела, потребуются усилия для того, чтобы по-дробно (раздробив посильнее) представить известное. Мы, правда, не сказали, какой предел дробности счита-

5. Досуг, как мы знаем, не обязательно *дан* как нечто само собой разумеющееся. Часто за досуг для ученых занятий приходится вести борьбу, рискуя поражением. Что же касается теоретического любопытства, то оно, судя по всему, не является результатом борьбы; оно скорее дает импульс к ней. Теоретическое любопытство также не может быть воспитано. Оно лишь расцветает при определенных условиях. Оно не равно самому себе. Вспоминая название известной книги Х. Блюменберга, мы можем говорить о нем как о процессе. См.: Blumenberg, 1973.

ется удовлетворительным и какие из действий, совершаемых в ходе исследования, мы готовы считать собственно исследовательскими. Это важные вопросы, но сразу дать ответ на них нельзя. Подчеркнем еще раз: мы не предлагаем вернуться назад, к теоретическому выбору в пользу анализа социальной жизни, представления ее в виде мельчайших элементов. Мы предлагаем более простую вещь, а именно: несколько последовательно реализуемых шагов. Покажем их именно как методически возможные шаги, прописав как порядок действий от первого лица.

Я идентифицирую себя как исследователя-социолога.

Я намерен проинструктировать коллегу относительно порядка его деятельности.

Для того чтобы дать ему инструкции, я обращаюсь к собственному (или чужому) опыту и пытаюсь восстановить его в памяти и описать как можно более подробно.

Я восстанавливаю опыт и формулирую инструкцию как порядок шагов.

Каждый шаг я стараюсь представить с наибольшей ясностью, чисто, не смешивая с другими действиями.

Свою исследовательскую деятельность, представленную как порядок шагов, я рассматриваю как один из родов социальной жизни.

Я практически обнаруживаю возможность представления социальной жизни в виде некоторой упорядоченной последовательности максимально четко мною самим обособленных одно от другого действий.

Я прихожу к выводу, что, по крайней мере, в тех случаях, когда усилие наблюдателя есть в то же время усилие производства социальной жизни, можно говорить о множестве операций, из которых она состоит.

Собственно, вот эти операции в ТСС и называются *событиями*.

Отчуждение, которое мы испытываем, сосредоточившись на собственной исследовательской деятельности и как бы разглядывая ее под микроскопом, — в высшей степени поучительный опыт, поэтому по аналогии мы можем предположить: что бы ни было в социальной жизни, если только рассмотреть это столь же подробно, если представить иной ее сегмент в виде последовательности шагов или операций, в детализированном порядке событий, поначалу оно должно показаться нам чуждым, непохожим на себя, быть может, вообще неправильно изображенным. Пожалуй, представление таким образом больших областей социальной жизни (не говоря уже обо всей социальности) должно было бы казаться нам заведомо неоправданным. Стоит ли проводить далеко идущие аналогии между анализом собственного (идеализованного и препарированного) исследовательского опыта и другими, возможно, сильно отличающимися от него сферами нашего интереса — даже если допустить, что такие аналогии вообще возможны? Может быть, лучше предположить на этой стадии *истощение мотива*?

3. Практика наблюдений и воспитание мотива

Попробуем подойти к делу с другой стороны. Сузим наши задачи, ограничимся практикой наблюдений как исследовательских действий и будем исходить из того, что понимание наблюдения весьма разнится в социологических школах в зависимо-

сти от исследовательской идеологии. Можно точно сказать, что далеко не все ученые готовы были бы принять предложенную выше объективацию исследовательской процедуры. Эта объективация мыслима — но не более того. Зафиксируем также и это обстоятельство.

Чтобы продвинуться на пути детального представления *реальной* исследовательской деятельности, мы предприняли идеализацию. Отвлекаясь от множества фактических компонентов нашей работы, от того, что составляет ее на самом деле, мы занимались методологической рефлексией, хотя бы даже и вовлекая в нее обстоятельства реального протекания действий. Но какой вывод отсюда следует для нас в части мотивационной составляющей ТСС? Научное рассуждение всегда требует идеализации, и нежелание принять ее как инструкцию означает, что двинуться далее невозможно. Дидактика, инвектива, повелительное наклонение — все это признаки того, что альтернатива всегда есть: ведь точно *так же можно* и не подчиняться, не дробить, не сосредотачивать внимание на том, что считает правильным ТСС. *Мотив может быть* другим. Как же быть тогда с универсальным характером ТСС? Мы утверждаем, что в отношении описаний она, по замыслу, включает в себя *все* случаи, в том числе и случай отказа от ТСС и ее дидактических экспериментов. Дидактика ТСС может потерпеть крах, и это — возможный случай, входящий в состав рассмотрения ТСС. Но нет ли у нас другого способа *воспитать мотив*?

Попробуем подойти к делу более традиционным образом, укажем на тематизацию событий в исследовательской работе, но не в теоретической, а в методической. Рассмотрим несколько примеров того, как в разных методических перспективах трактуется понятие события.

Первый и самый простой пример мы заимствуем из давних рассуждений Роберта Эмерсона о методологии качественной социологии⁶. Эмерсон критически относится к тем, кто ориентирован на события, чем особенно ценен для нас.

Наблюдение событий Эмерсон относит к такого рода полевой работе социолога, когда используются заранее заготовленные схемы и категории, а собранные данные «концептуализируются в терминах „частотного распределения событий поведения“». Развитие качественной методологии Эмерсон связывает с длительным, включенным в естественную обстановку взаимодействием исследователя с теми, кого он изучает (Emerson, 1981: 352–353). Что происходит, однако, если исследователь пытается стать на позиции самих действующих, принять их перспективу? Оказывается, здесь его подстерегают известные проблемы: многие действующие в социальном мире люди не могут внятно высказать, что с ними происходит, так что возникает вопрос: а можно ли вообще описать события «в перспективе действующего»? (Emerson, 1981: 356). Тонкое рассуждение Э. Биттнера, которое в этой связи приводит Эмерсон, звучит так:

«Полевые исследователи рассматривают в качестве „перспективы“ действующих то, что сами действующие считают „миром, каков он на самом деле“. Описания мира, „с точки зрения действующих“, оказываются в таком случае описанием точки зрения действующих, какой она видится исследователю. Поэтому и события удастся описать

6. См. до сих пор представляющий ценность его обзор: Emerson, 1981. Знакомством с этой статьей, а также большой подборкой работ по качественным методам я обязан Гэри Дейvidу, читающему в настоящее время в ЦФС курс по социологическим исследованиям рабочих мест.

как „события, имеющие смысл для действующих, воспринимаемые ими“, в то время как собственно проживаемый ими мир в полноте его реальности ускользает из поля зрения» (Emerson, 1981: 359; Bittner, 1973).

Теперь повторим это еще раз: исследователь может с самого начала отказаться от дробного, объективирующего познавательные действия представления его процедур, потому что *в перспективе действующего* представление опыта в виде сингулярных событий полностью противоречит характеру самого опыта. Сколько бы мы ни старались принять в расчет «точку зрения действующего», мы не уйдем от ее отчуждающей объективации. Между тем дробление процедур и представление их в виде операций и есть такая объективация. Это рефлексивное действие: исследователь словно бы представляет себя в качестве наблюдаемого, но только потому, что на себя и свои действия он переносит процедуры обычного наблюдения. Отказ от объективации собственной исследовательской процедуры и отказ от представления наблюдаемой социальной жизни через призму раздробленного на сингулярные операции опыта могут быть тесно связаны между собой. Сформулируем это следующим образом: тот, кто отказывается от дробления на события феноменов социальной жизни, возможно, не готов к ответственной методологической саморефлексии. Желание представить свои исследовательские действия трезво и подробно, напротив, может быть симптомом готовности относиться так же и к иным областям социальной жизни как множеству упорядоченных событий.

4. Анализ истории событий как теоретическая установка

Подойдем теперь к делу с другой стороны. Рассмотрим подход к исследованию событий как раз такого типа, который подвергает критике Эмерсон. Событийный анализ, или, более точно, *анализ истории событий* — достаточно известный и обеспеченный математическим аппаратом метод в социологии⁷, основанный на определенной *исследовательской идеологии* и предполагающий описание социальной жизни в терминах событий. «История индивида или группы всегда может быть охарактеризована как последовательность событий. Люди оканчивают школу, начинают работать, вступают в брак, рожают детей, получают повышение, меняют нанимателей, выходят на пенсию и в конце концов умирают. Формальные организации сливаются, принимаются за инновации и терпят банкротство. С нациями случаются войны, революции и мирные смены правления. Дело социологии состоит, несомненно, в том, чтобы объяснять и предсказывать появление таких событий» (Allison, 1982: 61). Задаваясь вопросом о том, что же событийного во всех этих случаях, как определить событие иначе, чем через перечисление, мы получаем следующий ответ: «...Событие состоит в некотором качественном изменении, которое происходит в некоторый конкретный момент времени. Обычно термин „событие“ не станут использовать, чтобы описать постепенное изменение некоторой количественной переменной. Изменение должно состоять в относительно резком разделении того, что предшествует, и того, что следует» (Allison, 1984: 9). В этой исследовательской идеологии подкупает

7. Точнее говоря, этот метод — в первую очередь математический аппарат; о природе события здесь говорят важные вещи, но сравнительно сжато.

ее внятность, без которой вряд ли была бы возможна исчислимость событий: смерть наступает или не наступает, человек находит себе работу или нет, заключенный, выпущенный из тюрьмы, либо вновь совершает преступление и возвращается в тюрьму, либо не совершает и остается на свободе. Это — типичные примеры, которые приводят аналитики истории событий. «После старта в некоторый начальный момент времени единицы наблюдаются в некотором состоянии до некоторой более поздней даты, когда обнаруживается событие и наблюдается переход из одного состояния в другое. Продолжительность времени между началом наблюдения процесса и появлением события — есть время выживания, или длительности» (Box-Steffensmeier, Jones, 2004: 9). Обычная терминология такого анализа предполагает также трактовку «времени выживания» как «времени отказа» — некоторая единица существует, пока ее существование не прекратится, т. е. не исчерпается способность «выживать». Это очень важно: «прекращение» или «смерть» — более фундаментальные принципы идентификации события в наблюдении, чем «старт», начало. Мы можем застать нечто существующим, тогда событие будет состоять именно в прекращении его существования. В ходе наблюдения мы с большей или меньшей вероятностью можем — за определенное время — ожидать *failure, отказа* (как это бывает с выработавшими ресурс механизмами). Смерть наступает с тем большей вероятностью, чем больше превышено среднее время дожития. В более общем плане понятно, что рождение — тоже событие, но ожидать не просто определенного количества рождений, а именно данного, определенного, — совсем не то же самое, что ожидать смерти. В последнем случае — это лишь вопрос времени.

Здесь есть проблемы. Часто говорят о левом и правом цензурировании, т. е. об *усеченных* рядах событий: в первом случае отсутствие сведений о предшествующем событии может сделать невозможным или сильно затруднить анализ; во втором случае, в силу ограниченности времени, отведенного на наблюдения, значимое событие вообще-то наступит, но уже после того, как наблюдения завершены. Один из способов уйти от ненадежности уникальных событий (а клинические события именно таковы) — изучение *повторяющихся событий*, которыми богата, как считается, политическая жизнь. В самом деле, смерть и рождение бывают только раз, а вот выборы или голосования в самих выборных органах случаются и регулярно (Box-Steffensmeier, Zorn, 2002). Широкое распространение этих моделей говорит об успехе, но все более успешное исчисление не сопровождается столь же успешным исследованием природы события. Те определения, которые мы приводили выше, относились к ясному переходу из одного состояния в другое. Но с повторяющимися событиями дела обстоят далеко не так хорошо, и, например, международный конфликт *как событие* далеко не столь же несомненно может быть вычленен и зафиксирован во времени, как смерть человека или отказ механизма. Тем не менее ту же логику применяют к заключению и распаду международных альянсов, роспуску правительства (каждый кабинет министров имеет «время дожития» и не может существовать вечно) и т. п. Оценивая риски и рассчитывая влияние различных факторов на соответствующие результаты, исследователи приходят к выводам, далеко не тривиальным. Так, например, вопреки интуитивно очевидному предположению, что демократические страны будут реже ввязываться в конфликты, чем страны с авторитарными режимами, аналитики по-

вторяющихся событий фиксируют прямо противоположную зависимость: демократии реже ввязываются в конфликты, но чаще выбирают путь войны, если надеются ее выиграть. Чтобы правильно описать и предсказать это, нужно только подобрать правильную модель (Vox-Steffensmeier, Zorn, 2002: 1084–1085). Можно предположить, что при увеличении изоэнтальпии аппарата и мощности обрабатываемой техники число параметров, учитываемых в подсчетах, а также случаев, на которые будут распространяться модели, будет расти.

Вопрос, однако, состоит в другом. Для сторонников такой исследовательской идеологии события — это, в общем, нечастое явление социальной жизни; только с увеличением времени наблюдений и разнообразия областей интереса мы наталкиваемся на события, тем более — на повторяющиеся события. События, иначе говоря, суть нечто такое, что время от времени происходит с разными вещами, а называются ли эти вещи механизмами, человеческими телами, демократией, торговлей, парламентами и т. п. — сравнительно менее важно. Запомним это: *событие случается с вещью, исчезающей, появляющейся, вступающей во взаимодействие с другой вещью или переходящей в радикально иное, хорошо видимое в своем специфическом отличии состояние.*

Для методических целей и успеха такого анализа неважно, действительно ли демократия или правительство — это вещь, подобная изнашивающемуся механизму или смертному телу. Но более фундаментальный анализ не может обойтись без постановки этого вопроса. Его, впрочем, можно сформулировать и по-другому: как определить область социальной жизни, в которой анализ истории событий невозможен или нецелесообразен? Наверное, мы можем предположить, что так обстоят дела там, где речь идет не о большей или меньшей вероятности, а об относительной надежности совершения событий. Возьмем, например, такое обычное дело, как вождение автобуса. Шофер ведет автобус все время прямо, пока на известном повороте не сворачивает направо. Здесь и с машиной, и с шофером произошли события, которые повторяются по нескольку раз каждый день, пока не сломается автобус или шофер не выйдет на пенсию или не умрет за рулем. Но события первого рода, регулярное следование по маршруту с переменами траектории движения, не интересно для анализа истории событий, в том числе и повторяющихся, разве что в нем обнаружится некая патология и можно будет вычислять интенсивность отказов.

5. События под микроскопом

Мы знаем, что исследования событий возможны и применительно к рутинным операциям. При этом внимание к микроскопическим подробностям происходящего позволит обнаружить за внешне однородным и рутинным течением дел события весьма неоднородные и необычные. Рассмотрим в этой связи, в качестве нашего третьего примера, хорошее руководство по использованию видеозаписей в качественных исследованиях (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010). Видео, говорят авторы, «схватывает версию события как оно происходит» (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010: 5). Обращаясь к записям снова и снова, мы можем рассмотреть их более внимательно, но это будут всякий раз те же самые записи, не искаженные и не преобразованные памятью и нарративом. Если взять самый небольшой фрагмент длинной записи (это очень важно:

детальное представление всегда касается именно столь непродолжительных фрагментов⁸), можно обнаружить много интересного. Так, например, разложив на отдельные кадры видеозапись, сделанную в кабинете анестезиолога, готовящего пациента к операции, можно увидеть последовательность действий, каждое из которых может быть описано как мельчайшее событие. Здесь за короткое время набралось множество операций (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010: 6–7): считывание показаний на мониторе, удаление газовой маски с лица пациента, действия с ларингоскопом и т. д. Пример с началом общения врача и пациента (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010: 61 ff.) позволяет авторам показать, как работает в случае анализа видеофрагментов одна из центральных идей этнометодологии: «секвенция» и «секвенциальность». Действия не просто могут наблюдаться «как есть»; они представляют собой следование, т. е. реакцию и увязку каждым участником взаимодействия своих действий с предшествующими действиями и событиями. Тем самым становится возможным учет «перспективы действующего», на первый взгляд разрешающий проблему, о которой речь шла выше. Если наблюдатель не станет на точку зрения наблюдаемого, он не поймет его заминок, изменений в интонации, жестов и т. п. Но не все так просто. Ведь события, которые приходится наблюдать исследователям, — не только действия в порядке очередности. Раздробив кадры до десятых долей секунды, исследователи обнаружили не только то, как секвенции действий выстраиваются через некое приготовление-предвидение последующего в предшествующем, но и пластичное преобразование самого характера действия *по ходу его совершения* (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010: 78 f., 80 f., 83). Повседневная деятельность, насколько бы ни была она типична и регулярна, может быть разложена на уникальные свершения-события. Может ли этот подход считаться безупречным? Нам кажется, что и у него есть свои теоретические слабые места. Главное состоит в том, что континуальность и дробность не различаются здесь с полной ясностью. Своеобразный социологический пуантилизм не дает ответа на важный вопрос: значит ли устанавливаемое таким образом последовательное подстраивание действий к действиям, такое настраивание-предвосхищение одними действиями других, что только раздробив наблюдаемое до снимков десятых долей секунды, мы узнаем, что происходит *на самом деле*. Директива ограничиться фрагментами в 10 секунд записи и делить каждую секунду на меньшие доли прекрасно работает, когда мы *заведомо знаем*, что дело происходит в операционной или, допустим, в кабинете министров накануне падения. Но можно ли сложить — в описании — из мельчайших деталей операционную и операцию, кабинет министров во время заседания и т. п.? Можно сказать, что и наблюдатель, и участники взаимодействия *уже знают*, что именно происходит, так что задача исследователя — пройти от известного к неизвестному, к тому, что «на самом деле». Однако это значит априорно принять идею редукции любых феноменов к мельчайшим свершениям, различимым лишь в специальном модусе внимания и при помощи специальных средств. Значит ли это «принять перспективу действующего»? Не происходит ли *на самом деле* некая агрегация событий, привязывающая к обыденному различению и рутинному свершению рутинные же модусы внимания, которые может частично разделять наблюдатель?

8. Авторы рекомендуют исследовать фрагменты продолжительностью около 10 секунд. См.: Heath, Hindmarsh, Luff, 2010: 66.

Вернемся теперь к мысленному эксперименту, который предложили провести выше. Мы видим, что немногие примеры *de facto* происходящих размышлений о методике показывают, по меньшей мере, две важные вещи:

Методический интерес *может* (хотя отнюдь и не должен) приводить нас к практической, не ограниченной абстрактными размышлениями, но пронизывающей всю исследовательскую идеологию концептуализации событий.

Концептуализация событий в методике приводит нас к вопросам, выходящим за пределы методики, к собственно теоретическим вопросам и — невозможно не видеть этого — собственно теоретическим ответам, не выработанным, однако, в части именно теоретической, предполагающей иной жанр повествования.

Что же мы можем сказать в таком случае о мотиве ТСС, который был здесь для нас предметом основного интереса? Возможно, следует сказать, что он мог бы состоять в потребности доразвить методически продуктивные идеи и приемы в более полноценную концепцию. Мы не увеличиваем количество примеров — хотя, в принципе, это возможно. Мы утверждаем, что внимательное чтение методической литературы может оказаться увлекательным подтверждением нашего ключевого тезиса: социология в ходе своего развития приходит к ТСС не только в области абстрактной общей теории, но и в области методической. Наблюдение событий — не экзотическое предложение, но сложившаяся практика. Это не универсальная практика, но ее, по меньшей мере, следует принимать в расчет. Это практика очень различающихся между собой школ и направлений. Наблюдение событий — это не общий язык, но некая инварианта. Если мы отнесемся к ней всерьез, мы обнаружим искомый мотив ТСС: *доставление исследовательских операций, представляющихся удобными и эвристичными до степени теоретической полноты и продуктивности.*

Литература

- Луман Н. (2002). «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология. Антология / Под ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
- Филиппов А. Ф. (2004а). К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.
- Филиппов А. Ф. (2004б). Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Гуманитарные исследования ИГИТИ. Вып. 5 (12). М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
- Филиппов А. Ф. (2005). Пространство политических событий // Полис. 2005. № 2. С. 6–25.
- Филиппов А. Ф. (2006а). Базовый словарь теории социальных событий // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 195–208.
- Филиппов А. Ф. (2006б). Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5 (56). С. 104–117.
- Allison P. A. (1982). Discrete-Time Methods for the Analysis of Event Histories // Sociological Methodology. 1982. Vol. 13. P. 61–98.
- Allison P. A. (1984). Event History Analysis: Regression for Longitudinal Event. Newbury Park etc.: Sage, 1984.

- Bittner E.* (1973). Objectivity and Realism in Sociology // *Phenomenological Sociology: Issues and Applications* / Ed. by G. Psathas. N.Y.: Wiley, 1973. P. 109–125.
- Blumenberg H.* (1973). *Der Prozess der theoretischen Neugierde*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
- Box-Steffensmeier J. M., Jones B. S.* (2004). *Event history modelling: a guide for social scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Box-Steffensmeier J. M., Zorn Chr.* (2002). Duration models for repeated events // *Journal of Politics*. 2002. Vol. 64. № 4. P. 1069–1094.
- Emerson R. M.* (1981). Observational field work // *Annual Review of Sociology*. 1981. Vol. 7. P. 351–378.
- Heath Ch., Hindmarsh J., Luff P.* (2010). *Video in qualitative research: analyzing social interaction in Everyday Life*. London: Sage, 2010.
- Silverman D.* (2007). A very short, fairly interesting and reasonably cheap book about qualitative research. London: Sage, 2007.